

На правах рукописи

Дубенко Мария Владимировна

**ПОЭЗИЯ В. СКОТТА В РУССКОЙ РЕЦЕПЦИИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы XIX века
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жилякова Эмма Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Косяков Геннадий Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Крицкая Надежда Вадимовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет»

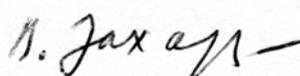
Защита состоится 15 декабря 2010 года в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
корпус 3.

Отзывы отправляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина 34а.

Автореферат разослан « » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, профессор

 Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Огромная популярность романного творчества В. Скотта отодвинула на второй план поэтические опыты, с которых начиналась его писательская карьера. Некогда довольно актуальное определение *Вальтер Скотт-поэт* на долгое время исчезло из лексикона критиков и ученых, а исследования творчества В. Скотта-писателя были направлены преимущественно на изучение его исторической прозы. Поскольку довольно большая часть переводов поэзии В. Скотта, достойная исследовательского внимания, была выполнена талантливейшими поэтами XIX в., неизбежно транслирующими часть своей творческой концепции на переводы, изучение рецепции лирики В. Скотта в российском литературоведении носит преимущественно «точечный» характер. То есть анализ поэтических переводов из В. Скотта осуществляется в рамках исследования творчества того или иного поэта, при этом акцент делается на личности переводчика и на том, как оригинальный вальтер-скоттовский текст встраивается в его творческую систему.

Несмотря на пристальное внимание исследователей к означенной теме, так или иначе освещавшейся в трудах В. М. Жирмунского, Д. П. Якубовича, Б. Г. Реизова, М. П. Алексеева, Е. Г. Эткинда, Ю. Д. Левина, А. С. Янушкевича, Э. М. Жиликовой, Р. В. Иезуитовой, И. М. Семенко, К. Раннику и др., до сих пор не было предпринято попытки комплексного изучения феномена Вальтера Скотта-поэта в русской литературе.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена активным развитием таких областей современного научного знания, как компаративистика и переводоведение, и подтверждается возрастающим интересом современного литературоведения к проблемам национальной картины мира и диалога культур. В связи с этим возникает необходимость обобщения и углубления представления о рецепции поэтического творчества В. Скотта в России в первой половине XIX в. с последующим выделением характерных тенденций и особенностей транслирования вальтер-скоттовской поэзии на русскую почву.

Материалом исследования послужили оригинальные стихотворения, баллады и поэмы В. Скотта «The lay of the last minstrel», «Marmion», «The Lady of the Lake», «Rokeby», русскоязычные стихотворные переводы вальтер-скоттовской поэзии В. А. Жуковского («Замок Смальгольм», «Покаяние», «Суд

в подземелье»), И. И. Козлова («Разбойник», «Беверлей»), А. С. Пушкина («Два ворона»), К. К. Павловой («Клятва Мойны», «Военная песня клана Макгрегор», «Яша», «Розабелла», «Песнь» (О дева! Жребий твой жесток!), «Песня» (Красив Бригнала брег крутой), «Предел родной»), прозаические переводы поэзии В. Скотта: «Поема последнего барда» (пер. с польск. М. Т. Каченовского), «Матильда Рокби» (пер. с англ. Нн. Вв.), «Елена Дуглас или Дева озера Лок-Катринского» (пер. с франц.), «Мармион» (пер. с франц.), – а также русская критика XIX в. о поэзии В. Скотта и ее русскоязычных переводах, переписка, рукописи и дневниковые записи переводчиков и читателей поэзии В. Скотта первой половины XIX в.

Предмет исследования – художественное и жанровое своеобразие поэтических сочинений В. Скотта, их репрезентация и рецепция в России в первой половине XIX в.

Основная **цель** диссертационной работы – рассмотреть русскую рецепцию поэзии В. Скотта как динамичную творческую систему.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1) выделить и охарактеризовать основные этапы рецепции поэзии В. Скотта в России в первой половине XIX в.;

2) исследовать монографически наследие переводчиков поэзии В. Скотта, оказавших наибольшее влияние на рецепцию его творчества в России;

3) выявить основные переводческие стратегии, применявшиеся при транслировании поэзии В. Скотта на русскую почву;

4) создать комплекс подстрочных переводов поэтических сочинений В. Скотта, на основе которых был бы возможен компаративный анализ важнейших произведений, переведенных в России в первой половине XIX в.;

5) на основе анализа периодики и критики, а также дневниковых записей и писем читателей-современников определить характер восприятия русскоязычных переводов поэзии В. Скотта.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного сочинения составляют труды, посвященные теоретическим проблемам сравнительного литературоведения и диалога культур (М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, Ю. Д. Левина, М. М. Бахтина и др.), исследования по теории и практике художественного перевода (Е. Г. Эткинда, М. Л. Гаспарова,

В. Н. Комиссарова, А. Н. Гиривенко и др.), работы исследователей творчества В. Скотта (Б. Г. Реизова, М. Г. Альтшуллера, Т. Г. Лазаревой, И. М. Левидовой, Ю. В. Манна, и др.), а также монографии и статьи, посвященные изучению жизни и творчества поэтов-переводчиков поэзии В. Скотта в России (И. М. Семенко, В. Э. Вацура, Ф. З. Кануновой, Р. В. Иезуитовой, А. С. Янушкевича, А. А. Долинина, Э. М. Жилияковой, И. Д. Гликмана, П. П. Громова и др.).

Диссертационное исследование выполнено на стыке нескольких дисциплин – теории и истории русской литературы, культурологии, компаративистики и переводоведения. В работе применяются историко-литературный, культурно-исторический, переводоведческий и сравнительно-сопоставительный методы анализа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) впервые русская рецепция поэзии В. Скотта представлена как динамичная творческая система;
- 2) предпринята попытка периодизации процесса восприятия вальтер-скоттовской поэзии в России;
- 3) определен круг ключевых фигур переводчиков, оказавших наибольшее влияние на рецепцию поэзии В. Скотта в России;
- 4) впервые произведен комплексный анализ русскоязычных переводов поэзии В. Скотта, в том числе и прозаических.
- 5) проанализированы периодические издания, критические работы, дневники и письма современников с точки зрения оценки поэзии В. Скотта русской читающей публикой;
- 6) обобщен и осмыслен материал литературоведческих исследований, посвященных рецепции поэтического творчества В. Скотта в России.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов исследования в курсах по истории русской и зарубежной литературы XIX века, а также спецкурсах и семинарах, посвященных изучению проблем русско-английских литературных связей, диалога культур, теории и истории жанров, художественного перевода, в эдиционной практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэтические опыты В. Скотта, отмеченные историзмом художественного мышления поэта и психологической напряженностью, предшествовали его романному творчеству, отличались глубоким и органическим синтезом лирического и эпического начал, и служили «площадкой» для разработки характерного авторского стиля, впоследствии реализованного в прозе писателя.

2. Процесс восприятия поэзии В. Скотта в России в первой половине XIX в. можно условно разделить на 3 периода (1820–1832, 1832–1840, 1840–1848), включая так называемый «подготовительный период» (1811–1820).

3. Интерес В. А. Жуковского к поэзии В. Скотта был обусловлен особым вниманием русского поэта к разработке национально-исторической проблематики, дидактической подоснове произведений В. Скотта, категории «чудесного» и получил воплощение в жанровом движении Жуковского от жанра баллады («Замок Смальгольм», «Покаяние») к повести («Суд в подземелье»).

4. И. И. Козлов, продолжающий традицию переводческой школы В. А. Жуковского, в своих «вокальных» переводах актуализирует лирическую составляющую поэтических сочинений В. Скотта.

5. Внимание А. С. Пушкина к творчеству и личности В. Скотта, сделанный им перевод баллады «The twa corbies», выполненный в жанре песни, свидетельствует о значимости в пушкинском развитии поэтического опыта «шотландского чародея», воспринимаемого в контексте волнующих русского поэта проблем художественного историзма.

6. Дневник В. К. Кюхельбекера-читателя 30-х гг. XIX в. отражает общие тенденции восприятия поэтического творчества В. Скотта русской литературой в первой половине XIX в.: ориентация на поэзию В. Скотта в связи с характерным движением русской литературы от лирических жанров малой формы к крупному эпосу, от романтизма к реализму, интерес к национально-исторической составляющей вальтер-скоттовских произведений.

7. В обращении К. К. Павловой к поэзии В. Скотта и в характере переводов законченных поэтических сочинений В. Скотта, обладающих лирическим потенциалом (Songs), выразился подъем интереса к проблемам национального самосознания в русском обществе конца 30-х – начала 40-х гг., в частности в

деятельности славянофилов, в круге которых шло формирование и развитие поэтического дарования К. К. Павловой.

Апробация. Основные результаты исследования были представлены на XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, НГУ, 2008), VIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, ТПУ, 2008), IX Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, ТПУ, 2009), Международной научной конференции «Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании» (Томск, ТГУ, 2009), VII Международной научно-практической конференции (Томск, ТПУ, 2009), X Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, ТПУ, 2010).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (226 наименований) и приложения. Приложение содержит оригинальные поэтические тексты В. Скотта с подстрочниками, проанализированными в работе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обзорно освещается история изучения вышеозначенной темы и обосновывается ее актуальность, обозначаются материал и предмет, цель и задачи исследования, определяются методологические подходы, отмечается научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Поэзия В. Скотта и ее рецепция в России XIX в. (Периодизация)» выполняет структурообразующую функцию в работе. В главе описываются первые литературные опыты В. Скотта в поэтических жанрах, а также предпринимается попытка периодизации изучаемого периода рецепции поэзии В. Скотта в России.

В разделе **1.1. Поэзия В. Скотта** приводится характеристика художественного и жанрового своеобразия вальтер-скоттовской поэзии, определяются основные принципы и направленность раннего поэтического

творчества В. Скотта, начинавшего свою литературную деятельность под влиянием английской сентиментальной поэзии и обратившегося впоследствии к разработке лирических и лиро-эпических жанров в романтическом ключе. Начав как переводчик баллад западноевропейских авторов (Г. А. Бюргер, И. В. Гете), В. Скотт приходит к созданию собственных баллад, стилизованных под народные образцы и написанных под влиянием фольклорного материала, собранного им в пределах горной Шотландии.

Следующим этапом эволюции В. Скотта-поэта становится попытка создания жанра романтической национально-исторической поэмы на основе имеющегося фольклорного материала народных песен и преданий. В итоге этих жанровых поисков произойдет переориентация В. Скотта в сторону крупной прозы и открытие нового жанра исторического романа.

В разделе **1.2. Переводы поэзии В. Скотта в России XIX в. Периодизация переводческой деятельности** на основе данных Биобиблиографического указателя (сост. И. М. Левидова)¹, а также данных о переводах поэзии В. Скотта, приведенных Ю. Д. Левиным в Приложении к работе «Прижизненная слава Вальтера Скотта в России»², предпринимается попытка периодизации деятельности переводчиков первой половины XIX в. с последующим выделением трех ключевых периодов (1820–1832, 1832–1840, 1840–1848), включая так называемый «подготовительный период» рецепции поэзии В. Скотта (1811–1820).

Раздел **1.3. Подготовительный период (1811–1820 гг.)** посвящен изучению особенностей раннего периода восприятия поэтического наследия В. Скотта в России. Ввиду малой распространенности английского языка в начале XIX в. перенесение поэтических сочинений В. Скотта на русскую почву оказалось затруднено. До 1820 г. не вышло ни одного перевода из В. Скотта на русский язык, несмотря на пристальное внимание к творчеству этого писателя в среде русских литераторов и общественных деятелей и регулярных упоминаний В. Скотта в русской периодике того времени.

Первые переводы сочинений В. Скотта в России состоялись лишь в 1820 г., после чего активность переводчиков начинает стремительно возрастать вплоть

¹ Вальтер Скотт : биобиблиографический указатель к 125-летию со дня смерти. М., 1958. 81 с.

² Левин Ю. Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 5–68.

до конца 1820-х гг. Характеристике этого периода посвящен раздел **1.4. Первый период (1820–1832 гг.)**. Данный период характеризуется повышенным интересом русских переводчиков равно как к прозаическому, так и поэтическому творчеству великого писателя. Наряду с переводами отрывков из исторических романов В. Скотта в российской печати начинают появляться прозаические переводы его поэзии. Только в 1822 г. выйдут прозаические переводы вальтер-скоттовских баллад и песен «The dying bard» («Умиравший бард» – пер. В. Григорьев), «The sun upon the Weirdlaw Hill» («Солнце над холмом Веирдалава» – пер. В. Григорьев), «Helvellyn» («Гельвеллин» – пер. В. Григорьев), «Glenfinlas; or Lord Ronald's coronach» («Гленфинлас. Надгробная песнь лорду Рональду» – пер. Н. Бестужев), а также перевод поэмы «The lay of the last minstrel» («Поема последнего барда» – пер. М. Т. Каченовский).

В ситуации не до конца сформированной концепции поэтического художественного перевода, явившейся причиной отсутствия достаточного количества квалифицированных поэтов-переводчиков, большая часть переводов поэзии В. Скотта осуществляется в прозаической форме, зачастую без участия оригинального текста. В подразделе **1.4.1. Прозаические переводы поэм В. Скотта** приводится характеристика прозаических переводов поэм В. Скотта, оказавших заметное влияние на рецепцию вальтер-скоттовской поэзии в России. Не всегда грамотные и заметно русифицированные прозаические переводы поэм В. Скотта выполнялись, как правило, с языков посредников (французский, польский) без участия оригинального текста, а значит лишали русского читателя поэтического богатства вальтер-скоттовских сочинений. Однако, на тот момент это была единственная форма перевода, ориентированная на точную передачу подлинника, так что в процессе знакомства с этими переводами читатель понимал, что имеет дело с произведением иноязычной культуры, а не вольной интерпретацией поэта-переводчика.

Характерной особенностью прозаических переводов поэзии В. Скотта стало их одновременное появление с романами писателя. Таким образом, прозаические переводы должны были восприниматься российским читателем в едином контексте его эпического творчества как произведения романного типа.

Первым переводчиком, начавшим переводить поэзию В. Скотта в стихотворной форме, стал В. А. Жуковский. **Вторая глава «Поэзия В. Скотта в рецепции В. А. Жуковского»** описывает характер восприятия В. А. Жуковским поэзии В. Скотта. В разделе **2.1. В. А. Жуковский как первооткрыватель В. Скотта в русской литературе** дается представление о значении поэтических переводов В. А. Жуковского из В. Скотта в процессе рецепции его поэтического творчества в России. Блестящие переводы В. А. Жуковского инициировали появление новых стихотворных переводов поэзии В. Скотта, а сам переводчик навсегда остался в истории первооткрывателем В. Скотта в русской литературе. В разделе **2.2. В. Скотт в личных бумагах В. А. Жуковского (записи, пометы, письма, дневники)** собраны факты упоминания В. А. Жуковским имени В. Скотта в личных дневниках и планах по самообразованию (записи о В. Скотте в «Материалах для Владимира», «Наброске программы занятий русскою историей», конспект «Девы озера» в «Материалах» 1815 г.), в переписке с друзьями (письмо В. А. Жуковского А. И. Тургеневу от 26 марта 1814 г., письмо А. П. Елагиной (июль – первая половина августа 1828 г.), письмо Н. В. Гоголю от 29 декабря 1847 г.), а также в книгах его библиотеки (в книге «Всеобщая история культуры и литературы новой Европы» И.-Г. Эйхгорна, в собраниях сочинений В. Скотта).

На основе этого материала в разделе **2.3. Характер интереса В. А. Жуковского к творчеству В. Скотта** выделяются четыре ключевых аспекта, обусловившие обращение В. А. Жуковского к личности и творчеству В. Скотта: нравственный аспект, национально-исторический аспект, категория «чудесного», аспект жанровой эволюции творчества. Помимо все более актуальной к тому времени национально-исторической проблематики и ореола балладных ужасов, В. А. Жуковского привлекает дидактическая подоснова поэтических сочинений В. Скотта, которого русский поэт воспринимает как писателя исключительной нравственности.

Особое внимание В. А. Жуковского уделяется творческой эволюции В. Скотта-поэта и писателя, начинавшего с создания небольших лиро-эпических произведений и пришедшего в итоге к созданию новаторской жанровой формы исторического романа. В разделе **2.4. Истоки балладного творчества. «Вильям и Хелен» В. Скотта и «Людмила» В. А. Жуковского (переводы**

«Леноры» Г. А. Бюргера) и разделе 2.5. Три «Лесных царя» доказывається влияние первых поэтических переводов В. Скотта на формирование переводческих принципов В. А. Жуковского. Сравнительный анализ переводов «Леноры» Г. А. Бюргера и «Лесного царя» И. В. Гете В. А. Жуковского и В. Скотта демонстрирует характерную тенденцию: в ходе творческой эволюции В. Скотт, подверженный на ранних этапах литературного развития влиянию сентиментальной английской поэзии, впоследствии отходит от литературной формы разработки балладного жанра и приближается к его фольклорным образцам. В. А. Жуковский, сохраняя выбранный ранее вектор творческого развития, продолжает разработку литературной баллады в своем творчестве, что находит отражение в его переводах из В. Скотта.

В разделах **2.6. В. А. Жуковский – переводчик баллады В. Скотта «Иванов вечер» («The Eve of St. John»)** и **2.7. В. А. Жуковский – переводчик баллады В. Скотта «Серый монах» («The Gray Brother»)** на основе компаративного анализа переводов В. А. Жуковского («Замок Смальгольм», «Покаяние») и оригиналов баллад В. Скотта демонстрируется тенденция заметной трансформации вальтер-скоттовского текста, выражающаяся в отказе от народной формы балладного жанра в пользу его литературного варианта, в результате чего происходит усиление психологической составляющей произведения и подстраивание текста под русского читателя, проявившееся в отказе от незнакомых географических реалий и имен собственных. Характерный выбор произведений для перевода демонстрирует отход В. А. Жуковского от реквизита балладных ужасов и обращение к внутренней жизни человеческой души, в чем русский поэт следует по пути эволюции В. Скотта-писателя, также заметно уменьшившего долю фантастики в своих зрелых произведениях. В переводах В. А. Жуковского из В. Скотта 1820-х гг. обращает на себя внимание эпизация произведений по сравнению с более ранними переводами баллад западноевропейских романтиков, что связано с попытками В. А. Жуковского объединить лирическое и эпическое начала в рамках одного произведения. Все эти тенденции, почерпнутые В. А. Жуковским у В. Скотта, в полной мере реализуются в последнем переводе отрывка из вальтер-скоттовской поэмы «Мармион» («Суд в подземелье» – 1832–1833 гг.). Анализу этого перевода посвящен раздел **2.8. В. А. Жуковский – переводчик второй**

Песни поэмы В. Скотта «Мармион». Обращение русского поэта к поэме В. Скотта в начале 1830-х гг. было продиктовано тяжелыми раздумьями В. А. Жуковского о свободе личности в современном обществе. В. А. Жуковский выбрал жанр стихотворной повести для реализации своего замысла о драматизме положения современного человека. Возможности этого жанра позволили поэту заметно расширить и детализировать бытописания, к чему стремился и В. Скотт, когда работал над «Мармионом». Однако ограниченное пространство поэмы заставило В. Скотта вынести большую часть исторической информации, послужившей основой произведения, за рамки основного повествования в виде обширных комментариев. Впоследствии необходимость введения развернутых описаний повседневной жизни героев для раскрытия национальной самобытности родного народа была реализована В. Скоттом в его исторических романах, что учел В. А. Жуковский в своем переводе отрывка из поэмы «Мармион».

Показательно, что уже в прижизненных изданиях сочинений В. А. Жуковского повесть «Суд в подземелье» названа «Отрывком». Такое определение жанра перевода представляется значимым, так как, во-первых, продолжает вальтер-скоттовскую традицию лиро-эпических произведений, характеризующихся раздробленным характером структурно-композиционной организации, и, во-вторых, развивает традицию русской романтической поэзии, активно разрабатывающей жанр отрывка (см., например, поэтические опыты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова и др. в этом жанре).

Серию блестящих переводов поэзии В. Скотта вслед за В. А. Жуковским продолжают в своем творчестве И. И. Козлов и А. С. Пушкин. **Третья глава** диссертационного исследования «**И. И. Козлов и А. С. Пушкин – переводчики поэзии В. Скотта**» раскрывает особенности переводов вальтер-скоттовских текстов последователями В. А. Жуковского. В разделе **3.1. И. И. Козлов – переводчик поэзии В. Скотта** освещаются причины обращения И. И. Козлова к творчеству В. Скотта, а также выявляются основные переводческие принципы И. И. Козлова, реализованные в переводах вальтер-скоттовской поэзии. Любимым английским поэтом И. И. Козлова по праву

считается Байрон. Однако не меньшее значение в жизни обездвиженного поэта-слепца имеет творчество В. Скотта, более жизнеутверждающее по своему настроению. В восприятии И. И. Козлова В. Скотт не уступает Байрону в своем поэтическом мастерстве, а как полная противоположность дополняет его. Если романтический герой-бунтарь Байрона – это выражение страданий беспокойной души И. И. Козлова, то гармоничная поэзия В. Скотта – ее успокоение.

Продолжая в своем творчестве традиции переводческой школы В. А. Жуковского, И. И. Козлов переводит поэзию В. Скотта в достаточно вольном ключе, подвергая значительным трансформациям образно-стилистическую систему. Так же, как и В. А. Жуковский, И. И. Козлов ориентирован на литературную форму реализации балладного жанра. Это заметным образом видоизменяет характерно народные вальтер-скоттовские баллады и песни, что доказывает компаративный анализ переводов И. И. Козлова и оригинальных текстов, представленный в подразделах **3.1.1. «Разбойник». Перевод отрывка третьей Песни поэмы «Рокби» (1824)** и **3.1.2. «Беверлей. Шотландская баллада из Валтера Скотта» (Вольное подражание). Перевод XII строфы пятой Песни «Мармиона» И.И Козловым (1833).** Несмотря на значительную трансформацию текста И. И. Козловым, в его переводах прослеживается характерная тенденция строгого следования оригинальной ритмико-интонационной структуре стиха, что может быть обусловлено недугом поэта: из-за слепоты И. И. Козлов вынужден был переводить со слуха. Это явление, впоследствии получившее в литературоведении определение «вокального перевода», будет прослеживаться в переводном творчестве последователей В. А. Жуковского и И. И. Козлова, обратившихся к поэзии В. Скотта.

Несмотря на то, что И. И. Козловым были выбраны для перевода достаточно сюжетные отрывки из вальтер-скоттовских поэм, обладающие значительным эпическим потенциалом (песня леди Херон («Lochinvar») из «Мармиона» и вставная Песнь из «Рокби»), их трансляция была выполнена в лирическом ключе, что связано с особенностями личности переводчика, сублимировавшего в своем творчестве терзавшие его душевные переживания.

Показательным является оригинальное переводческое решение И. И. Козлова заменить, вынесенное в заглавие песни леди Херон, имя главного

героя с Лохинвара на Беверлей в переводе отрывка из поэмы «Мармион», что свидетельствует о восприятии поэтического творчества В. Скотта в едином контексте с его историческими романами.

Отсылка к первому вальтер-скоттовскому роману в переводе И. И. Козлова напоминает об истории его создания. Роман был опубликован анонимно, после чего В. Скотта долгое время воспринимали как «автора Уэверли», и все последующие произведения обозначали соответствующим образом.

Раздел 3.2. Поэзия В. Скотта в рецепции А. С. Пушкина раскрывает особенности восприятия поэзии В. Скотта А. С. Пушкиным. В современном литературоведении достаточно редко указывается на преемственность вида «В. Скотт-поэт – А. С. Пушкин». Как правило, говорится о косвенном влиянии поэзии В. Скотта на творчество А. С. Пушкина через поэмы Байрона. Так, на тесную связь А. С. Пушкина и В. Скотта-поэта указывает еще А. Мицкевич во французском журнале «Le Globe» за 25 мая 1837 г.: «Пушкин начал подражанием всему, что застал он в русской поэзии <...> За подражаниями Байрону Пушкин бессознательно подражал также и Вальтеру Скотту. Тогда много толковали о краске местности, об историческом изучении, о необходимости воссоздавать историю в поэзии. Последние творения Пушкина колеблются между двумя этими направлениями: он то Байрон, то Вальтер Скотт. Он еще не Пушкин»³.

Поэтическое творчество В. Скотта актуализируется для А. С. Пушкина в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX в., когда тот работает над созданием своих первых поэм и обращается в связи с этим к поэмам Байрона и Скотта. На тот период Д. Г. Байрон с его «восточной» эстетикой представляется гораздо ближе А. С. Пушкину, пребывающему в южной ссылке, чем В. Скотт и его поэмы, продолжающие оссианистическую традицию мрачных северных пейзажей и средневековых легенд. Безусловно, А. С. Пушкину интересна литературная техника В. Скотта: его манера изображать национально-историческое, живописные панорамные описания. Однако более тесное знакомство А. С. Пушкина с вальтер-скоттовской поэзией состоится ближе к концу 20-х гг.

Обращение А. С. Пушкина к поэмам В. Скотта в конце 1820-х гг. знаменует развенчание байронического героя в творческом мировоззрении русского поэта,

³ Цит. по кн.: Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 128.

в связи с чем, в русской литературе вообще, и в творчестве Пушкина в частности, происходит возвращение к поэмам В. Скотта, которые хронологически предвосхитили появление поэм Байрона. Именно в этот период творческой деятельности А.С. Пушкин начинает движение «к поэтическому универсализму его зрелой поры, к объективному, реалистическому постижению исторического и национального своеобразия»⁴, в чем ему немало способствует творчество В. Скотта.

Подраздел 3.2.1. Об одном пушкинском переводе из В. Скотта представляет компаративный анализ «шотландской песни» А. С. Пушкина «Два ворона», французского прозаического перевода М. Арто, по которому был осуществлен перевод, и оригинального текста В. Скотта. В данном разделе выявляются характерные трансформации, произведенные русским поэтом в процессе адаптации иноязычного текста.

Пушкинский перевод баллады В. Скотта «The twa corbies» принято считать так называемым «переводом-переделкой» (по классификации Г. Д. Владимирского). В отличие от вольного перевода, при котором сохраняются основные черты оригинала и свободно трактуются второстепенные детали, «перевод-переделка» представляет собой «ассимиляцию в оригинальном творчестве основных или второстепенных мотивов оригинала, с подчинением их целиком индивидуальности переводчика»⁵.

Ассимиляция вальтер-скоттовского текста осуществляется А. С. Пушкиным в первую очередь на жанровом уровне. В качестве жанровой основы для своего произведения А. С. Пушкин выбирает жанр песни, который во многом синонимичен жанру баллады в европейской литературе. Называя свой перевод песней, А. С. Пушкин в отличие от В. А. Жуковского не пытается адаптировать нехарактерный для русской литературы жанр европейской баллады. А. С. Пушкин отталкивается не от идеи отличия европейского и русского средневекового фольклора, как это делает В. А. Жуковский, который, предпринимая попытку перенести жанр баллады на русскую почву, признает тем самым некоторое отставание русской литературы от западной. Для Пушкина, идущего по пути усвоения народного поэтического творчества,

⁴ Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы. С. 368–369.

⁵ Владимирский Г. В. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1939. Вып. 4/5. С. 315.

принципиально важно найти точки соприкосновения западноевропейской и русской литератур. Обращение к поэтическим опытам В. Скотта в народном жанре и перевод одной из его баллад позволит А. С. Пушкину определить принципы работы с фольклорным материалом и предвосхитит появление сборника «Песни западных славян» (1835).

А. С. Пушкин сохраняет большую часть сюжета и образной системы оригинального произведения, однако при этом обращается к русской фольклорной традиции, русифицируя перевод за счет введения характерных для русского фольклора образов: «богатырь» вместо «рыцарь» («knight»), «кобылка вороная» вместо «собака» («hound»), «в чистом поле под ракитой» вместо «за старой торфяной насыпью» («auld fail dyke») и т. д.

Изменения претерпевает весь ритмико-интонационный строй «Шотландской песни». Баллада В. Скотта написана четырехстопным ямбом. Этот размер активно использовался А. С. Пушкиным в лирике, однако для перевода был выбран не вполне характерный для русского поэта четырехстопный хорей. Использование хореического размера объясняется стилизацией перевода под русскую народную песню, а его торжественное звучание усиливает драматическую составляющую пушкинского произведения, что достигается также на фонетическом уровне за счет использования приема аллитерации (повторение сонорного [p]: «ворон к ворону», «кричит», «проведать»). Характерно, что полные драматизма и ощущения тревоги стихотворения тех лет («Дар напрасный, дар случайный», «Предчувствие»), а также баллада «Утопленник», написанные незадолго до перевода вальтер-скоттовской баллады, также выполнены в хореическом размере.

В четвертой главе диссертационного исследования **«Второй период восприятия поэзии В. Скотта (1832–1840 гг.)»** выявляется характерная тенденция угасания интереса к вальтер-скоттовскому творчеству, которое кажется закономерным и связано со вступлением русской литературы в новую стадию: процесс активной переработки и осмысления иноязычного материала сменяется процессом генерации «своего». При этом наблюдается известное доминирование прозаических литературных жанров над стихотворными, что объясняет некоторую невостребованность вальтер-скоттовской поэзии.

Однако было бы ошибкой говорить о неактуальности поэтического творчества В. Скотта в этот период развития русской литературы. Как известно, в начале 30-х гг. XIX в. к переводу В. Скотта вновь обращается В. А. Жуковский: в 1834 г. будет напечатан «Суд в подземелье» – перевод второй песни вальтер-скоттовского «Мармиона». А в конце 30-х гг. к переводам поэзии В. Скотта обратится К. К. Павлова.

Новую волну интереса русских переводчиков к поэзии В. Скотта в 1830-е гг. вызвало переиздание поэтических сочинений В. Скотта «The Poetical Works»⁶ в 11-ти томах (1830). Несмотря на то, что лирика В. Скотта неоднократно переиздавалась в начале XIX в., новое издание 1830 г. было дополнено некоторыми поэтическими сочинениями В. Скотта, ранее не печатавшимися, а также сопровождалось специальным предисловием и обширными комментариями автора. Об этом издании упоминает в своем дневнике В. К. Кюхельбекер, активно знакомящийся с поэтическим творчеством В. Скотта в 1832 г.

Раздел 4.2. В. К. Кюхельбекер – читатель поэзии В. Скотта посвящен анализу уникального явления русской литературы в контексте изучения рецепции поэтического творчества В. Скотта Дневнику В. К. Кюхельбекера, который представляет дневник читателя и поэта в чистом виде (чтение и сочинительство были основными видами деятельности узника Кюхельбекера, пребывающего в заключении в Свеаборгской крепости).

Участие в подготовке к восстанию 1825 г. и последующий арест послужили причиной того, что близкое знакомство В. К. Кюхельбекера с поэзией В. Скотта состоялось только в 1830-х гг. Активное упоминание имени В. Скотта на страницах Дневника начинается с середины 1832 г., после получения В. К. Кюхельбекером 20 июля 1832 г. «The Poetical Works» В. Скотта. Несмотря на относительно позднее знакомство с поэтическими сочинениями В. Скотта, в их оценке В. К. Кюхельбекер совпадает с мнением читателей 20-х гг. XIX в. Более того, интерес к поэмам В. Скотта, который проявит В. К. Кюхельбекер, отвечает общему настроению российского общества второго периода: не случайно в то время, как В. К. Кюхельбекер осваивает поэмы В. Скотта, в 1831 г. к переводу одной из них обращается и В. А. Жуковский.

⁶ Scott W. The poetical works of sir Walter Scott : in 11 vol. Edinburgh, 1830.

Вторая Песнь поэмы «Мармион» о несчастной судьбе заживо погребенной узницы по сути посвящена всем тем, кто пострадал от гнета властей, и в их числе В. К. Кюхельбекеру.

В поэтических сочинениях В. Скотта В. К. Кюхельбекера привлекает не только злободневная национально-общественная проблематика, совпадающая с настроениями русского поэта. В. Скотт интересуется В. К. Кюхельбекера в первую очередь как коллега по перу, как литератор, творчество которого вдохновляет на создание оригинальных произведений. Так, в записи от 7 августа В. К. Кюхельбекер упоминает вальтер-скоттовское стихотворение «Прощание с Музой» («Farewell to the Muse»), по мотивам которого будут написаны тематически сходные оригинальные стихотворения «Измена вдохновения» (написано между августом и сентябрем 1832 г.) и «Возврат вдохновения» (датируется 11 ноября 1832 г.).

Процесс освоения русским поэтом поэм В. Скотта, детально зафиксированный в Дневнике, связан с подготовкой В. К. Кюхельбекером собственного лиро-эпического произведения, поэмы «Основание Отроча монастыря», сюжет которой впоследствии будет положен в основу поэмы «Юрий и Ксения».

Как видно, несмотря на информационный вакуум, В. К. Кюхельбекер точно следует за основным направлением движения русской эстетической мысли. Подобно В. А. Жуковскому в 30-е гг., он приходит к жанру лиро-эпической поэмы, в процессе освоения которого во многом опирается на поэтические опыты В. Скотта в этом жанре. И хотя В. К. Кюхельбекер навсегда останется романтиком и так и не перейдет к реалистическому методу в своем творчестве, его поэмы четко обозначают тенденцию этого перехода в русской литературе. Написанная в 1833 г. поэма «Сирота» демонстрирует «отход от прежних протестов против изображения прозаических сторон жизни, характерных для его ранних высказываний»⁷.

Четвертую главу диссертационного исследования завершает раздел **4.3. К. К. Павлова – переводчица В. Скотта**, посвященный анализу переводческой рецепции поэзии В. Скотта К. К. Павловой. В своих переводах из В. Скотта К. К. Павлова ориентируется на первых переводчиков вальтер-

⁷ Романов Н. М. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л., 1989. С. 3–18.

скоттовской поэзии, поэтому ее переводы, созданные в 1839 и 1840 гг., попадают в категорию все менее актуальных к тому времени вольных поэтических переводов: К. К. Павлова заметно видоизменяет оригинальный текст, подстраивая его под русскоязычного читателя, что выражается в использовании переводчицей высокопарного стиля и нарочитой русификации. Так, К. К. Павлова вводит в перевод узнаваемые маркеры русской культуры, которые нередко контрастируют с характерными шотландскими реалиями, сохраненными в тексте (например, образ православной иконы в описании средневекового замка в балладе «Розабелла» – 1839 г.). Ориентация на православную традицию, являющаяся следствием влияния на К. К. Павлову славянофильских идей, в условиях сохранения указаний на шотландскую действительность выводит к идее универсализации, вселенского братства и родства, предтечей которой стал И. В. Киреевский, один из близких друзей К. К. Павловой.

Ритмико-интонационная составляющая иноязычного произведения в переводах К. К. Павловой, как правило, остается неизменной, что является частью переводческой программы, озвученной в предисловии к собственному сборнику переводов «Das Nordlicht» (1833): «Я убеждена, что в метрическом переводе нельзя изменять стихотворные размеры подлинника без разрушения характера и физиогномии стихотворения»⁸. Это правило будет особенно строго соблюдаться переводчицей при работе с фольклорным материалом. В своих переводах русских народных песен на немецкий язык, включенных в сборник, К. К. Павлова сохраняет даже, так называемые, ритмические «неправильности» подлинника, «чтобы не разрушать непринужденную свободу этих устных произведений»⁹.

В отличие от В. А. Жуковского и И. И. Козлова, переводы К. К. Павловой разных авторов не похожи один на другой, несмотря на то, что, подобно Жуковскому и Козлову, поэтесса выбирает созвучные ей иноязычные произведения. К. К. Павлова со свойственной ей театральностью вживается в образ каждого из переводимых авторов: «Вальтер Скотт в ее переложении не

⁸ Цит. по кн.: Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. Л, 1989. С. 108.

⁹ Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. Л, 1989. С. 108.

похож на Фрейлиграта, а Байрон – на Гюго, – отмечает П. П. Громов, – <...> переводчик в известной степени уподобляется актеру и как бы «проигрывает» заново, по-своему поэтическую индивидуальность автора»¹⁰. И если В. А. Жуковский, обращаясь к поэзии В. Скотта рассматривает ее, в первую очередь, как один из вариантов разработки балладного жанра, то К. К. Павлова ориентирована именно на личность поэта и на передачу его уникального авторского стиля. «Нельзя судить о каком-либо поэте по одному единственному стихотворению»¹¹, – постулирует К. К. Павлова в предисловии к «Das Nordlicht» (1833), после чего в 1839–1840 гг. переводит целых семь стихотворных произведений В. Скотта.

Выбирая созвучные себе, глубоко лиричные вальтер-скоттовские баллады и песни, К. К. Павлова видоизменяет их, усилив эмоциональную и драматическую составляющую. Таким образом, в переводах К. К. Павловой признанный мастер романного жанра, В. Скотт, становится истинным лириком. Такое восприятие В. Скотта было представлено в русской литературе впервые, так как ранее В. Скотт воспринимался как автор, обладающий, в первую очередь, эпическим потенциалом.

Акцентируя лирическую составляющую поэзии В. Скотта, К. К. Павлова все же попадает под влияние ее эпической подосновы, что находит отражение в оригинальном творчестве поэтессы. Не случайно исследователи поэзии Павловой указывают на «резкую фабулизацию ее лирических стихотворений, открывших жанр “рассказа в стихах”»¹².

В Заключении работы подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения заявленной темы. Поскольку смена переводческой концепции с романтической на реалистическую, ориентированную на более точное воспроизведение оригинала, предполагала иное обращение с текстом, возникла необходимость появления качественно новых переложений поэзии В. Скотта. Однако после смерти В. Скотта количество новых переводов его произведений значительно сократилось.

¹⁰ Громов П. П. Каролина Павлова // Павлова К. К. Полное собрание стихотворений. М., Л., 1964. С. 22.

¹¹ Цит. по кн.: Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. С. 108.

¹² Шатин Ю. В. Две Италии Каролины Павловой // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. Томск, 2009. С. 107.

Последний заметный всплеск переводческого интереса к вальтер-скоттовской поэзии в XIX в. приходится на переводы К. К. Павловой конца 30-х гг., после чего переводы из В. Скотта носят случайный характер. Очередную волну интереса к творчеству В. Скотта, в том числе и поэтическому, можно наблюдать только в конце века в период неоромантической реакции на реалистические и натуралистические тенденции, когда выйдет значительное число новых переводов вальтер-скоттовских произведений. Большая часть из них приходится на переводы О. Чюминой, заметно пополнившей копилку русскоязычных переводов поэзии В. Скотта. Переводы О. Чюминой были выполнены в рамках переводческой концепции, отличной от переводческой концепции переводов В. А. Жуковского и его последователей, хотя они также попадают в категорию вольных. В своем выборе произведений для перевода О. Чюмина руководствовалась не столько желанием заполнить переводческие лакуны русскоязычных вариантов поэзии В. Скотта, сколько необходимостью придать переводам адекватную форму, актуальную для литературы того времени. Не случайно многие переводы О. Чюминой дублируют более ранние переводы стихотворений и баллад В. Скотта («Фиалка», «Клятва леди Норы», «Джек Гезельдин»).

В начале XX в. к стихотворным переводам были предъявлены еще более строгие требования, что обусловило необходимость переосмысления старых и создания новых переводов поэзии, в том числе и вальтер-скоттовской. В рамках подготовки собрания сочинений В. Скотта (1960–1965) ленинградским кружком переводчиков во главе с Т. Г. Гнедич было осуществлено большое количество переводов лирики В. Скотта.

Анализ поэтических переводов из В. Скотта, выполненных во второй половине XIX в. и в XX веке, представляется необходимым для целостного понимания процесса восприятия поэзии В. Скотта в России и должен быть осуществлен в последующих исследованиях, посвященных данной тематике. Для углубления исследования необходимо также сравнение французских и польских переводов поэзии В. Скотта, через которые осуществлялась трансляция вальтер-скоттовских текстов в России с их русскоязычными вариантами и англоязычными оригиналами для выявления степени французского и польского влияния на восприятие поэзии В. Скотта в России.

Необходим также серьезный компаративный анализ переводных критических статей о В. Скотте, которые подвергались тщательной цензурной обработке перед появлением на страницах русской периодики. Интересной представляется перспектива сравнения повторяющихся переводов вальтер-скоттовской поэзии русскими переводчиками с последующим выделением характерных тенденций развития переводческой мысли в России. Изучение поэзии В. Скотта в контексте всего его творчества, как и рецепция этого вопроса в русской культуре, позволяет поставить важный вопрос о значении поэзии В. Скотта в процессе становления психологической (лирической, романно-драматической) составляющей его исторических романов и последующего развития этих аспектов в русской литературной прозе XIX в.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Дубенко М. В. Значение английской традиции в работе В. А. Жуковского над переводом баллады Бюргера «Ленора» / М. В. Дубенко // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 18–21.

2. Дубенко М. В. В. А. Жуковский – переводчик баллады Г. А. Бюргера «Ленора» / М. В. Дубенко // Студент и научно-технический прогресс : материалы XLVI Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. – С. 11–12.

3. Дубенко М. В. Традиции английских переводчиков в балладах «Людмила» и «Светлана» В. А. Жуковского / М. В. Дубенко // Коммуникативные аспекты языка и культуры : материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2008. – С. 120–124.

4. Дубенко М. В. «Иванов вечер» В. Скотта в творческой системе В. А. Жуковского / М. В. Дубенко // Коммуникативные аспекты языка и культуры : материалы IX Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2009. – С. 12–15.

5. Дубенко М. В. «Вестник Европы» и его роль в восприятии поэтического творчества В. Скотта в России / М. В. Дубенко // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании : сборник материалов международной научной конференции. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 261–263.

6. Дубенко М. В. В. Скотт и Байрон, поэтическое соперничество / М. В. Дубенко // Академический журнал Западной Сибири : актуальные вопросы педагогики : материалы III-й научно-практической конференции с международным участием (15–22 декабря 2009 года). – Тюмень : М-центр, 2009. – № 5. – С. 55–56.

7. Дубенко М. В. Культ В. Скотта в российской печати 10-20х гг. XIX в. и его влияние на рецепцию поэтического творчества / М. В. Дубенко // Сборник трудов VII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2009. – Ч. 1. – С. 189–194.

8. Дубенко М. В. В. А. Жуковский – переводчик поэзии В. Скотта: от баллад к лиро-эпосу / М. В. Дубенко // Наука и образование : материалы XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (20–24 апреля 2009 года). – Томск : Изд-во. Том. гос. пед. ун-та, 2009. – Т. 2, ч. 1. – С. 169–172.

9. Дубенко М. В. К вопросу о жанровых разновидностях переводов И. И. Козлова из В. Скотта / М. В. Дубенко // Коммуникативные аспекты языка и культуры : материалы X Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. – С. 175–177.